

Они направились на кухню столовой храма.

Там обнаружилась плита гораздо большего размера, чем та, которой пользовалась Ханна.

— Что вы обычно делали, когда заваривали свой чай?

— Когда кто-нибудь заболел, я заваривала его с надеждой на улучшение самочувствия... В процессе я думала о том, что было бы замечательно, если бы все были здоровыми.

— Должно быть, это своего рода молитва. Приготовьте сейчас ваш чай, как вы обычно это делаете.

— ... Сработает ли это на самом деле.

Положенное начало было вдохновляющим, но Ханна продолжала задаваться вопросом, что будет, если у неё не обнаружатся божественные силы.

— Не заикливайтесь на результате, просто верьте в себя.

По просьбе Сезара Ханна налила в чан воду. Разжегши огонь и ожидая, пока вода закипит, девушка почувствовала некоторую тревогу.

Сезар пристально наблюдал за действиями примолкшей Ханны.

Он солгал бы, если бы сказал, что ему не были интересны способности Ханны.

— Сначала я ставлю вскипятиться воду. Обычно на этом этапе я сильно волнуюсь.

Сезар и Ханна терпеливо ждали, пока закипит вода, разделяя общее чувство сомнения.

Как только вода показала признаки кипения, Ханна достала из буфета чайные листья.

— Далее тщательно выбираю чайные листья. Кажется, мой выбор день ото дня зависит от настроения, но каким-то образом я всегда нахожу то, что нужно.

Прислушавшись к аромату чайных листьев, Ханна уловила запах засушенных жёлтых цветов и мягко улыбнулась.

— Сегодня вот эти.

Лепестки цветов рассыпались на белой ладони.

— Когда вода закипает, я чувствую странное спокойствие. В ожидании, пока вода остывает, я представляю, как люди становятся счастливее, тогда время пролетает невероятно быстро. Сегодня потребуется много времени, чтобы она остыла.

В зависимости от обстоятельств длительное ожидание может показаться всего лишь мгновением.

— В будущем я могу пожалеть об этом.

— Поделом.

Когда Сезар, скрестив руки на груди и опершись на стол, ответил, Ханна усмехнулась.

— Почему вы так не хотите стать священником?

Этот вопрос давно интересовал Сезара.

Он никак не мог понять отрицательного отношения Ханны к должности священника, к которой все стремились.

— Сезар, вы мечтали стать священником?

— На самом деле моей мечтой было стать фермером.

Ханна рассмеялась, услышав его ответ. В процессе заваривания чая её подавленное настроение улучшалось.

— Фермеры должны быть очень усердными, не так ли?

— Если засеять семена, они вырастут сами собой.

— Если бы фермеры вас услышали, непременно ударили бы вас лопатой.

Сезар мрачно пожал плечами.

На самом деле жизнь священника была не менее трудной.

Если новоприбывший не сможет усердно молиться с рассвета до заката, его выгонят из храма прежде, чем он успеет перерасти статус ученика.

— Значит, Сезар, вы тоже хотели нормальной жизни?

— А вы разве нет?

— Хочу, конечно. Я просто мечтаю о спокойной жизни, воспитывать своих детишек, оставаясь обычным человеком.

— В том, чтобы быть священником, нет ничего особенного.

— Сезар, когда вы пробудили свои силы, разве не осознали, что являетесь особенным?.

— Я не мог этого не знать.

Ответ прозвучал несколько высокомерно, однако Ханна тоже признавала этот факт. Потому что он действительно был особенным человеком, кто бы что ни говорил.

— Я подумала, может быть, я тоже особенный человек.

Несомненно, для этих мыслей существовала причина.

Тот факт, что душой девушки завладел персонаж романа, делал её далеко не обычным человеком, однако её не покидало беспокойство, что, возможно, Бог пытался использовать её в своих целях или просто наблюдал ради забавы за попытками выжить.

— Я сожалею об этом, заливаясь кровавыми слезами. Так утешьте же меня, пожалуйста.

— Вы просите о невозможном.

Ответ мужчины был категоричным.

Даже то, как Сезар продолжал ворчать, не могло стереть из памяти воспитательницы его обеспокоенное выражение лица в тот момент, когда священник увидел вернувшуюся в храм шокированную девушку.

Теперь Ханна немного понимала характер Сезара.

— Вода немного остыла.

Пока Ханна и Сезар были увлечены беседой, вода успела остыть, тогда девушка зачерпнула рукой приготовленные ранее засушенные лепестки.

— Главный секрет – это добавить чайные листья. Я неторопливо рассыпаю их над водой, приговаривая — Сейчас самое время.

Жёлтые лепестки просочились сквозь пальцы Ханны и опустились на поверхность вскипячённой в чане воды.

Тогда глаза Сезара засияли. Священный свет рассыпался золотым песком по лепесткам, падавшим с ее ладони.

— На этом всё. Ничего сложного, верно?

Казалось, сама воспитательница ничего не заметила.

— После этого вы чувствовали усталость?

— Хм... В последнее время я действительно много спала, хоть и не так много, как Сезар.

Человека с достаточным запасом сил, чтобы сотворить нечто подобное, конечно, нельзя было назвать обычным священником.

Сезару пришлось признать, что, возможно, как и сказала Ханна, она действительно была особенной.

— Мы раздадим это в деревне.

— Разве вы не говорили, что у нас нет свободных рук?

— Найдутся верующие, готовые помочь.

— Разве это не рискованно?

— Если бы они узнали, что благодаря вашей помощи здоровы, то, конечно, вызвались бы помочь. Но даже если мы примем все необходимые меры, слухи о вас всё равно быстро распространятся среди народа.

Сезар всё ещё беспокоился о ней.

— Всё в порядке, сейчас это уже не проблема.

От добродушной улыбки Ханна сердце в груди Сезара сжалось. Хотя для Сезара, будучи первосвященником, было естественно служить всеобщему благу.

— Я останусь в храме, чтобы набраться сил. Пожалуйста, позаботьтесь о том, чтобы чай раздали нуждающимся в деревне.

— Назовём это святой водой.

— Что?

— Этот отвар настолько ценен, что его едва ли можно назвать чаем. И было бы хорошо, если бы люди, для которого он предназначается, также думали о нём как о святой воде. Иногда то, во что мы верим, воплощается в жизнь.

Услышав слова Сезара, Ханна застенчиво почесала затылок.

Когда люди продолжали называть то, что она приготовила, святой водой, девушке начинало казаться, что она создала что-то действительно великое.

— Надеюсь, всё пройдёт хорошо.

Пусть так и будет.

Вскоре после этого эпидемия в деревне Ремия сошла на нет.

Однажды в деревне внезапно появилось нечто, называемое святой водой, тогда прихожане по собственному желанию взяли святую воду и отправились к больным жителям деревни из бедняцких районов, чтобы вылечить их.

Пошли даже преувеличенные слухи, что она способна не только лечить больных, но даже воскрешать мёртвых.

Со снижением распространения болезни также пошла молва, что деревня Ремия находилась под защитой Бога.

В переулках больше не было ни трупов, ни больных людей.

Скорее, этот инцидент заставил жителей деревни задуматься об обездоленных, что оказало хорошее влияние на всю деревню.

В деревне и храме царило спокойствие, чего нельзя было сказать о детском приюте.

— Кокко! Это не для тебя!

Поспешно воскликнул Маша.

Впервые за долгое время Кокко свободно носился по округе, подхватив корзинку с закусками, приготовленными Ханной для комфортного времяпрепровождения на улице, а Маша пытался поймать непослушную птицу.

— Почему они опять это делают.

Ворча на суету, помогавший Ханне Джереми принёс кувшин с соком.

— Что там такое. Эта птица опять своровала еду.

Джереми поставил сок на траву и поспешил присоединиться к попыткам Маши поймать Кокко.

— Я хочу печенье.

Произнёс Ян, даже не пытаясь догнать птицу.

Ян сразу догадался, что умеющий летать Кокко бегал по земле лишь для того, чтобы поразвлечься с ребятами.

Эта птица лишь желала поиграть с людьми.

— Спокойствию конец.

— Вот ведь... Я принесла немного жаренного мяса, тогда должны ли мы съесть приготовленную для Кокко еду.

Задумчиво проговорила Ханна. Какого чёрта эта птица подняла такой шум, это ведь могло привлечь внимание людей.

— Кокко! У меня есть мясо, давай меняться!

Когда воспитательница подняла свёрток с мясом над головой и потрясла им в воздухе, Кокко выплюнул корзинку на землю и со всех ног бросился в сторону Ханны.

— Господи! Давай помедленнее! Клюв! Не задень меня своим клювом!

Ханна, напуганная быстрой скоростью Кокко, в отчаянии присела на корточки.

[Курк!]

Вопреки опасениям Ханны, Кокко, замерев в шаге от неё, появился словно призрак и вырвал из рук девушки свёрток с мясом.

— Ох. Пожалуйста, не носись так быстро. Если налетишь на меня когтями, я умру! Тогда тебя заберут в храм или магическую башню, и будут проводить над тобой опыты.

Неизвестно, понял ли зверь слов Ханны, но он спокойно побрёл прочь, разжёвывая клювом на ходу своё мясо. Затем он обосновался на солнечной стороне курятника, которая ему больше нравилась.

— ... Он становится всё больше и страшнее. А что, если он станет ещё больше и съест уже нас.

— Мы съедим его раньше, чем он покусится на нас.

— Ты очень бессердечный.

Ханна подумала, что Ян вовсе не имел в виду то, что сказал.

Как бы он не ворчал каждый день, но именно Ян, а не Маша, беззаботно играющий днями напролёт, вовремя кормил Кокко, когда легкомысленный хозяин забывал об этом.

Могло показаться, что Ян относился ко всему с безразличием, однако он всего лишь оставался трезвомыслящим человеком.

— Учитель! Я принёс бутерброды!

— Нам не придётся голодать до обеда. Давайте подготовим всё и присядем.

Ханна радостно расстелила плед на траве, и вся компания кружком расселась на нём.

Улыбка Ханны стала ещё шире, когда она увидела, как ребята самостоятельно вытирали рты во

время еды, не обращаясь к воспитательнице за помощью.

Когда же они успели так повзрослеть.

Присматривая за детьми каждый день, девушка этого не замечала, отчего наступали моменты, когда она поражалась тому, как её подопечные выросли.

— Учитель. Почему вы не едите?

— А? Я поем. Но я становлюсь сытой, просто наблюдая за тем, как вы едите.

Ханна была рада, что ребята вот так о ней заботились.

— Поешьте, пока свинья Джереми не съел всё это.

Ян взял бутерброд и протянул его.

Тогда девушка задумалась ещё об одной важной вещи, мизофобия Яна также значительно уменьшилась.

Он продолжал носить перчатки по привычке, но слова о том, что они грязные, всё реже слетали с его губ.

— Вы сильно повзрослели.

В тот момент девушка растрогалась без всякой на то причины.
